

Ю.Н. Столяров

DOI: 10.25693/SVGV.2020.01.30.11

УДК 398(=51)

Протописьменность народов Севера Евразии (по палеофольклору)

В статье, продолжающей авторский цикл публикаций по истокам мировой книжной культуры, исследуются легенды и мифы азиатских северных и скандинавских народов с целью выявить самые ранние способы получения, фиксирования и трансформации информации, представлявшей для них существенное жизненное и / или социальное значение. Для сравнительного анализа знаковой системы этих народов взяты сборник «Легенды и мифы Севера», содержащий фольклор североазиатских и дальневосточных народов и народностей (96 произведений), и средневековая скандинавская поэма «Беовульф». В обоих случаях в поле зрения автора попадали такие виды знаков, как следы, предметы специфического назначения, изображения, а также собственно записи, преимущественно рунические. На основании компаративного метода делается вывод о том, что протописьменность североазиатских народов, живших на территории современной Российской Федерации, по богатству не уступает протописьменности народов Северной Европы, а в некоторых отношениях и превосходит фольклор скандинавов.

Ключевые слова: книжная культура, фольклор народов Северной Европы, фольклор народов Северной Азии, знаковые системы, следы, счёт, изображения, руническая письменность, протописьменность, символы

Для того, чтобы получать и фиксировать информацию из внешнего мира, передавать её* со-родичам, человечество издревле использовало различные знаки и символы, своего рода прото-письменность. Знак, по определению, – это ус-ловный заместитель какого-либо объекта, идеи, процесса. Люди во всём мире ещё в глубочай-

шей древности, на заре цивилизации, поняли, что это очень удобный заместитель: в его каче-стве может выступать всё, что угодно, и обозна-чать он тоже может всё, что угодно. Важно лишь договориться, какой именно знак для той или иной цели избирается и какую именно инфор-мацию он в себе заключает.

* Написание буквы «ё» – принципиальная позиция автора

Говорить о хронологических границах предмета данной статьи чрезвычайно затруднительно, поскольку наука располагает только отдельными палеоантропологическими находками и предметами материальной культуры, наиболее ранние из которых датируются эпохой неолита; но первые записи продуктов устного народного творчества относятся ко времени освоения Сибири и Дальнего Востока представителями письменных культур. Предположительно основные сюжеты сказочного фольклора сложились к Средним векам*. Время создания «Беовульфа» относят к концу VII или началу VIII в. Подлинный текст сохранился в единственном списке XI в., но и тот едва не погиб во время пожара библиотеки сэра Роберта Брюса Коттона (англ. Robert Bruce Cotton, 1571–1631), английского библиофила и антиквара, основавшего крупнейшую для своего века книжную коллекцию. Между прочим, в 1753 г. из его библиотеки родился рукописный отдел Британского музея, позднее выделившийся в крупнейшее и богатейшее книжное хранилище мира – Британскую библиотеку.

Бесписьменные народы северных территорий нынешней Российской Федерации долгое время успешно обходились без алфавита, но они были вынуждены пользоваться всеми остальными составляющими произведения письменности: материальным носителем, знаковой системой, инструментом и способом записи информации и др. Поскольку на характер знаковой системы никаких ограничений, кроме условной договорённости о значении принятых меток, не было, в их роли могли выступать предметы, как плоские, так и объёмные, как искусственные, так и естественные, в том числе живые.

Рассмотрим, какие знаки и символы были наиболее востребованы у северных народов (включая вымершие), живших на территории Российской Федерации. При этом примем во внимание, что в литературе эта тема частично получила освещение в монографии автора «Истоки книжной культуры» [Столяров, 2017] и ряде его статей [Столяров, 2018 а, б; 2019]. В данном случае по сборнику «Легенды и мифы Севера» [1985] обследован саамский, ненецкий,

энецкий, хантыйский, мансийский, нганасанский, селькупский, тофаларский, кетский, долганский, эвенкийский, эвенский, нанайский, ульчский, удэгейский, негидальский, ороцкий, орокский, нивхский, ительменский, корякский, алеутский, юкагирский, чукотский, керекский и эскимосский фольклор – всего охвачено 26 северных и дальневосточных народов и народностей. Проанализировано 96 произведений, по результатам анализа знаки подразделены на следующие категории.

Следы

Самым распространённым знаком, по которому все северные аборигены получали исчерпывающую информацию по различным вопросам, оказываются следы домашних и диких животных, людей, природных явлений. Указания на получение нужной информации по следам встречаются в фольклоре буквально всех северных народов и народностей и едва ли не в каждом втором записанном произведении устного народного творчества.

Знаки-указатели

Древнейшей протописьменностью является, как известно, узелковое письмо. В качестве носителя информации в узелковом письме используют нити (шнуры) или платки; содержание передают посредством узлов, а также цвета нитей. Нити с зафиксированной на них информацией скручивают в клубок. В фольклоре этот вид письменности трансформировался в волшебный клубочек, показывающий герою нужный путь. Модификацией клубка служит волшебный мячик. Это можно видеть в долганской сказке «Царь Ексёкю»: по уговору Купец должен отдать Ад-Богатырю своего сына. Мать положила ему в карман *платок*, который должен показать дорогу домой, и *мячик*, ведущий героя к цели. Аутентичность этого сюжета вызывает сомнения, поскольку платки, мячи и карманы несвойственны этой народности. К тому же их неоткуда было взять. Надо полагать, названные вкрапления в сюжет имеют заимствованный характер.

Опознавательные знаки

Иллюстрацией того, что функцию знака, равносильную функции письменного документа, может выполнять любой предмет и обозначать он может всё что угодно (точнее – что нужно

*См., например, исследования А.Н. Алексеева [1993; 1996 а, б].

для конкретной ситуации), может служить хантыйская сказка «Как мужик на заработки ходил». Мужик, последним попавший на княжеский пир, подслушал заговор убийства князя. Он незаметно отрезал у говоривших с платья по лоскуту. Наутро при всех присутствующих он приставил лоскутки к одежде и тем уличил убийц.

Изображения

Важная роль древними цивилизациями придавалась изображениям. Знак-образ, подобный отображаемому объекту, называется иконическим (от греч. *eikone* – образ). Изображения сакрального характера, прежде всего изображения богов, изготавливали сами члены практически каждого племени, рода. Подчас они брали для этого предметы естественной природы, домысливая их внешний вид и придавая им чудесные свойства. Таким образом, использовались и двухмерные, и трёхмерные изобразительные объекты. Подтвердим этот тезис примерами.

Медведица из чукотской сказки «Белая медведица» спасла сироту, оказавшегося на льдине в открытом море. По возвращении к родному жилью она сняла медвежью шкуру и стала девушкой, которую за своё спасение юноша должен был взять в жёны. Чтобы её принадлежность к семье стала очевидной, сирота попросил свою бабушку сделать ей соответствующую *татуировку* – своеобразный заменитель *паспорта* как привычного для современников письменного вида документа.

О том, что одежда хантов расшивалась орнаментами, узнаём из сказки «Бабушка Сясами и внук Имхилы». В другом примере, из энецкого фольклора, два брата по имени Дели и Лаурэ («Дели и Лаурэ») на вершине сопки нашли гигантское яйцо птицы минлэ. Они решили отнести яйцо в чум и считать его своим счастливым божеством (каха, или шайтаном). При этом пригрозили ему: «Если хочешь шайтаном быть, ты нам навстречу посылай диких оленей, чтобы мы могли их убивать. Если не хочешь быть шайтаном, я тебя разобью в крошки». Иными словами, в роли божества мог быть любой необычный предмет. Но обращение с ним зависело от воли человека (не наоборот): он волен либо почитать своего бога, либо наказывать его вплоть до уничтожения. Условность и конвенциональность знака на этом примере видны вполне явственно.

Счёт

Судя по устному народному творчеству практически всех северных народов, можно заключить, что прежде письменности они освоили счёт – явление, родственное чтению, одного с ним корня. Читать, считывать, считать – однокоренные слова, применяемые для разного вида чтения. Большое количество чего-либо – синоним достатка, успеха, удачи: «Хозяева стойбища запрягли в аргиш *сто* пегих быков. Вождь рода Хаби в нарту своей дочери и в нарту Ябтане *четыре* пегих оленя запряг, а к последней нарте аргиша своей дочери *двух* престарелых важенок пегой масти привязал. Аргиши тронулись, и за двумя пожилыми важенками отделились от стада *двести* пегих оленей и пошли за аргишами. Пошли с ними и прежние *сто* белых оленей» («Ябтане, Ябтакое и Яндоко», ненецкий фольклор).

Обозначенные подробности свидетельствуют, во-первых, о том, что герои отлично ориентируются в счёте, хотя абсолютная точность здесь весьма условна: числа скорее означают множество, богатство; во-вторых, указание на масть животных есть признак чего-то необычайного: или редкости, или богатства, или красоты.

Столь же конкретны числовые данные, приводимые в корякской сказке «Шаманка Кытна»: в стае было *28 волков*; они забрали девушку, дочь шаманки. Через *шесть лет* шаманка решила узнать о её участи и отправилась к волкам. Через *сто сажений* она сама превратилась в волчицу; по ходу сюжета в волчицу превращается и её спасённая дочь; за *сто сажений* от юрты они принимают человеческий облик.

То или иное число зачастую имеет сакральное значение. В тофаларском фольклоре очень многие события связаны с числом *три*. Наиболее характерна в этом отношении сказка, где это число вынесено в заглавие: «*Три мальчика*». В этой сказке есть и три девицы, чрезвычайно грамотные в математическом отношении. Одна из них может испечь столько хлеба, что им можно накормить сразу *триста* солдат. Другая может вырастить *девяносто девять* осин, из которых можно натесать ложки для всех солдат. Третья готова народить богу *трёх* сыновей, у *двоих* из них груди будут золотые. Сын с человеческой грудью получает в дар от незнакомца, среди прочего, и железную палку, способную защитить его от *трёхсот* солдат.

В предложенном огромным белым медведищем состязании (чукотская сказка «Белая медведица») побеждает сирота, и этот процесс описан подробно: «Пришли на место. Лёг медведище на живот, стал нерп караулить. Сирота скоро первую нерпу убил. А медведь всё караулит. Сирота уже вторую нерпу убил. Наконец и медведь убил одну. Сирота третью убил. А медведь только вторую. Сирота убил уже пятую нерпу. А у медведя всего три нерпы. Так победил сирота белого медведя».

Эскимосская сказка «Женитьба сироты» повествует о пяти богатых братьях. По соседству с ними жил сирота с бабушкой. Он надумал жениться на дочери первого богача, но посланная в качестве свахи бабушка получила отказ, и к тому же за столь дерзкое предложение хозяин отрезал ей мизинец. Так последовательно она посещает всех братьев, лишается четырёх пальцев, и только последний брат разрешает своей дочери выйти замуж за бедняка.

Шесть морских хозяев – великанов-сивучей выпрыгнули на берег в нивхской сказке «Жили старик и старуха». Через продолжительное время исчезнувшая дочь стариков, провинившихся перед морскими хозяевами, появилась из моря верхом на одном из шести сивучей.

Старый волк из чукотской сказки «Волчья стая», выяснив, что сыновья добыли шесть оленей, решил, что этого достаточно. Из-за нарушения молодым волком запрета убивать белого оленя волчья стая решила покинуть обжитое место, разделившись на три группы.

В мансийском фольклоре «Как человека сделали» таким сакральным числом считается семь: семь морей, семь земель, семисуставный посох. Когда герою потребовалось перебраться через огненное море, он «семисуставный посох поперёк моря положил, как раз через всё море лёг». В мифе «Как Эква-Пыриц на свет появился» присутствует семиухий котёл. В селькупском мифе «Хозяйка огня» виновница оставила без огня семь родов людских. По приказу князя земли селькупов требовалось смастерить семиверхую лодку; важный разговор богатырей происходит на седьмом речном перекате; один из богатырей, наказанный за то, что на свадьбе сестры раньше старших схватил еду, много лет таскает по Енисею семь островов. С нечистыми духами он справляет-

ся, бросив в них семипудовый камень («Кенгерселя»).

В мансийском мифе «Сыновья Старика морского мыса» у старика было семь сыновей и одна дочка. На вершине мыса семь стальных столбов стоят, на седьмом сидит сын Старика морского мыса; «семь богатырей с одной стороны и семь с другой огромными камнями играют, друг другу кидают».

Именно семь стрел понадобилось семи братьям из орокской «Сказки про сестру и семь маленьких братьев», чтобы забраться на небо. Они поочередно пускали стрелы в небо, попадая в хвост предыдущей стрелы. В итоге образовалась жердь от земли до неба, по ней они и поднимались, причём младший собирал за собой стрелы. Семь братьев было и у красавицы из орокской сказки «Удала-пудин».

Поскольку умение считать рассматривалось как социальная ценность, то, по-видимому, одним из развлечений северных народов было состязание в том, кто знает больше чисел. В тофаларском мифе «Сохатый и кабарга» (кабарга – небольшое парнокопытное оленевидное животное) главные герои считают количество волос на теле друг друга. Считали несколько дней, и оказалось, что у кабарги на пять волосинок больше, чем у сохатого.

Множество чисел с гордостью позиционируется в эвенкийском мифе «Умусликэн». В полёте за девушкой-птицей богатырь Умусликэн увидел море, в которое впадали «девятью девятью больших рек, семьдесят семь маленьких рек и восемьдесят восемь озёр». Такая точность предполагает, что сказитель и слушатели отдадут отчёт в том, что 99, 77 и 88, с одной стороны, обозначают большие количества соответствующих объектов, но, с другой стороны, они меньше, чем следующие за ними круглые числа. Затем богатырь «взмыл вверх и полетел по направлению девяти ветров, восьмидесяти восьми течений маленьких рек и девятью девяти течений больших рек, прямо туда, где была земля его врага». В городе, куда он прилетел, «слышался плач сотен людей, стоны тысячи людей и громкие крики свирепых чудовищ авахи. Каких только чудовищ там не было: и с двумя головами, и с семью головами, и с девятью головами... Из-за высоты девяти туч ринулся вниз наш богатырь и вступил в бой с чудовищами».

На помощь ему приходит птица кадан, поющая на его родном эвенкийском языке, из-под *девяти* туч опускаясь до высоты *семи* туч и ещё ниже – приближаясь к высоте *трёх* грозовых туч.

Точность вычислений – в ряде фольклорных произведений не просто фигура речи, она имеет конкретную доказательную силу. Герой по имени Гээнтея из удэгейской сказки «Сэлэмэгэ» решает посмотреть на Сэлэмэгэ, питающегося железом. Жена (беременная, между прочим) сомневается в его выносливости и для проверки предлагает приготовить за день *семь* полениц дров. Гээнтею удаётся сложить только *шесть* полениц, что служит доказательством его слабости.

Лисица из негидальской сказки «Летяга» обманом вынудила нерпу вывести на поверхность моря всех нерп и принялась их пересчитывать, но при этом делала пропуски. Нерпа следила за её действиями и поинтересовалась, в чём причина пропусков. Иными словами, обе героини проявляют хорошее знание счёта. В другой негидальской сказке – «Ворон и кориун» – старик приказывает слугам сходить за *девятью* горбатыми, *восемью* краснобаями и *семью* солдатами. Ясно, что ошибка в количестве приглашённых здесь исключена.

Сюжеты, связанные с числами, счётом, количеством, – самые распространённые в фольклоре северных народов.

Грамотность, книжность

В некоторых произведениях устного народного творчества северных народов имеются прямые указания на наличие письменности до формы книги включительно. Например, нанайская сказка «*Два брата*» начинается словами: «Жили двое детей с отцом. Отец думал: *грамоте* ли своих сыновей учить или охотиться. Потом решил: охоте буду их обучать».

Однако раздумья отца мотивированы слабо: неясно, где он мог обучать сыновей грамоте, и зачем охотникам грамота при неумении добывать пропитание. Сказка была рассказана в 1935 г. в Комсомольске-на-Амуре Хабаровского края, что позволяет предположить возможность сильной аберрации сознания рассказчика.

В упоминавшейся выше тофаларской сказке «*Три мальчика*» имеется следующий эпизод. Когда введённый в заблуждение рассерженный бог зашивал жену с новорождённым мальчиком

в коровью шкуру, «мать успела взять с собой одну *книгу*. Теперь мальчик стал читать эту книгу и узнал, что в одной долине у богатого мужика живут его старшие братья».

Научную ценность этого сюжета можно поставить под сомнение: эта сказка выпадает из общего строя северного фольклора, в ней слишком просвечивают позднейшие заимствования из сказок других народов мира. Записана она была в 1890 г., что позволяет предположить, что рассказчик сам был начитанным человеком. Тофалары (общая численность народа в 2010 г. составляла всего 762 человека) проживают в издревле цивилизованной Иркутской области, их тесные контакты с русскими установились ещё в XVII в. В результате в лексике тофаларского языка оказалось много русских заимствований, значительная часть тофаларов вообще перешла на русский язык. В годы советской власти для того, чтобы предотвратить исчезновение тофаларского языка (им владеют всего 16 % коренных тофаларцев), была разработана письменность, изданы букварь и учебные пособия. В начальной школе было начато обучение тофаларскому языку, проводятся попытки возрождения национальных обрядов и традиций, основными задачами которых являются защита и сохранение тофаларского языка и культуры. Однако опасность исчезновения этого языка сохраняется. Тем важнее своевременно записать в подлиннике все произведения устного народного творчества этого народа.

Беовульф

Чтобы лучше оценить уровень интеллектуального развития северных народов России в рассматриваемом аспекте, достаточно сопоставить их фольклор с аналогичным фольклором народов, традиционно считающихся более цивилизованными, – а именно народов Западной Европы. Общее представление об этом можно почерпнуть из книги «Истоки книжной культуры» [Столяров, 2017, с. 358–435], где в истоке «Эпос» представлены разделы «Старшая Эдда», «Песнь о Роланде», «Песнь о нибелунгах», «Кудруна», «Калевала». На основе анализа в монографии сделан вывод о том, что «в целом по героическому эпосу западноевропейских и северо-европейских народов можно судить о довольно слабом развитии у них в Средние века письменной культуры. Яркое исключение составляет

руническая письменность, которая вплоть до распространения алфавита применялась довольно широко и в связи с самыми различными обстоятельствами» [Там же, с. 398].

Добавим к этому анализ ещё одного источника, которым гордится Запад, – англосаксонской эпической поэмы «Беовульф» (буквально «пелиный волк», т.е. медведь) [2006], поскольку в последние два десятилетия на Западе происходит подлинный взрыв беовульфведения. Поэма создана в VII–VIII вв., когда англосаксы образовывали военно-аристократическое общество, сочетавшее варварство с глубоким интересом к литературе. Это даёт надежду на широкое представление в тексте темы книги, грамотности, чтения. Действие происходит в Ютландии (на полуострове, разделяющем Балтийское и Северное моря) до переселения англов в Британию. Первая по хронологии дошедшая до нас рукопись записана в X в. и состоит из 3182 страниц, т.е. даёт достаточный материал для изучения. Названа эта поэма по имени главного героя. После первого издания (1815) «Беовульф» издавался около двадцати раз целиком, не считая переизданий. Поэма переводилась на латынь, немецкий, датский, французский, итальянский, шведский, норвежский (лансмол) и голландский языки.

Текст поэмы, разделённый на 44 главы, служит источником самых разнообразных сведений. Из «Беовульфа» узнавали об этике и этикете германцев, их религии, времяпрепровождении и быте. К этим сведениям надо относиться с учётом представлений своего времени. Например, для наших современников тролли и драконы – существа из мифов, а люди того времени воспринимали их как вполне реальных существ. В целом отражённый в поэме фольклор северных народов Европы намного моложе, чем фольклор северных народов Азии, что позволяет рассчитывать на более частое упоминание в североевропейском фольклоре темы грамотности, книжности.

Основное содержание

Основное содержание произведения заключается в сказаниях о победе заглавного героя Беовульфа над страшными чудовищами Гренде-

лем, его матерью и опустошавшим страну драконом. К этому прибавлено несколько побочных эпизодов. Действие происходит в Дании и на юге нынешней Швеции. Начинается оно с описания пира дружинников из племени данов в блистательном чертоге, именуемом Хеорот, славного конунга (князя) Хродгара. Вот уже 12 зим на Хеорот нападает страшное чудовище по имени Грендель, истребляя лучших и знатнейших воинов. Знатный гётский* военачальник Беовульф, известный своей силой и воинскими умениями, с дружиной отправляется морем на помощь Хродгару, помня о гостеприимстве, оказанном его отцу конунгом, когда он вынужден был уйти из своих земель как изгнанник. В ночном единоборстве Беовульф отрывает Гренделю руку, и тот умирает в своём логове. Чтобы отомстить за него, из морской пучины поднимается ещё более жуткий враг – мать Гренделя. Чтобы одолеть её, Беовульфу приходится спуститься в её морское логово.

Во второй части поэмы Беовульф – к тому времени уже ставший конунгом гётов – вступает в поединок с драконом, который мстит людям за посягательство на охраняемый им клад. Дракон побеждён, но и Беовульф получает смертельную рану. Дружина во главе с доблестным Виглавом торжественно сжигает Беовульфа и клад дракона на погребальном костре.

Во время создания «Беовульфа» древним скандинавам уже было известно Священное Писание. Языческие образы в нём смело переплетаются с библейскими. Исследователи объясняют такое несоответствие тем, что «Беовульф» – это поэма о языческих временах, но рассказанная христианином. Поэт пересказал народное сказание для христиан, и это определило тональность изложения. Рассказчик был, по всей видимости, человеком, глубоко убеждённым в правоте христианского учения, но повествование он вёл о язычниках, которыми на время описываемых событий были даны.

Христиане, как известно, обладали развитой письменностью, а героям «Беовульфа» она свойственна не была. Об этом свидетельствует весь объёмистый текст поэмы и особенно эпизоды, в которых велеречиво прославляются

* Гёты – древнегерманское племя, в период со II в. до н. э. по рубеж I и II тысячелетия населявшее южную часть Скандинавии. Вместе со свееми сформировали шведскую нацию.

главные герои. Так, на пиру в честь победы «приближённый, любимец конунга, славословный знаток многопамятливый, сохранитель преданий старопрежних лет, он, по-своему сопрягая слова, начал речь – восхваленье Беовульфа» (ст. 869–870). В этой речи для усиления её эффекта было бы весьма уместно привести ссылки на записи прежних битв и побед, однако ничем подобным «знаток многопамятливый» украсить её не смог (ст. 874–910).

Следы

Наиболее древними освоенными вещественными знаками, передающими весьма ценную информацию, были следы животных и людей. После позорного бегства Гренделя с поля битвы с Беовульфом старейшины дружин на следующий день по следам определили, что, «на смерть раненный, разбитый в битве, убрёл враг, шатаясь, и, Богом проклятый, свой путь направил к бучилу адскому», в котором и сгинул навеки (ст. 844–845). В другом эпизоде правитель мудрый ехал, ориентируясь на «ног отпечатки, тропа торёная вела по равнине, путь указуя в лесную чащу» (ст. 1404).

Счёт

В эпосе много раз и с видимым удовольствием перечисляются предметы, составляющие несметные драгоценности и сокровища, но отсутствует что-либо хотя бы отдалённо связанное со знаковыми системами, письмом, грамотностью, чтением. Чаще всего в поэме называются различные числа. Так, Беовульф узнал о несчастьях Хродгара через двенадцать зим (ст. 147). Тут надо иметь в виду, что германцы мерили время зимами, и что двенадцать, как и большинство чисел в рассматриваемом произведении – условное, и не обязательно означает, что об описываемом событии Беовульф узнал лишь на тринадцатый год после первого набега великана Гренделя. Беовульф с товарищами «плыли пятеро суток, покуда буря и сумрак ночи, северный ветер, снег и волны кипящих течений не разлучили нас в ненастье» (ст. 549–550). Когда Беовульфу пришлось сразиться с морскими чудовищами, он победил девять из них. За победу над чудовищем Беовульфу награждают, среди прочего, восемью роскошными конями в полной упряжи (ст. 1035, 2195). Упоминаются и другие числа. «Семь тысяч земли» (ст. 2195) подразумевает меру земельной площади. Зная её, мож-

но вычислить, что надел Беовульфа составил целое королевство. Соответственно следует относиться и к стиху: «... дано сто тысяч землёй и кольцами...» (ст. 2995). Здесь мера ценности – предположительно скеат (skeatt), равный одной двадцатой шиллинга. Названные в стихе 2208 «пять десятков зим» – такое же условное число, как и в предыдущих случаях.

Довольно частое оперирование числами, хотя чаще всего и условными, свидетельствует, что численная грамотность была известна ранее буквенной и северным народам Европы. По меньшей мере, численная грамотность в эпосе проявилась более отчётливо по сравнению с грамотностью буквенной. Придание большого значения числу как выражению количества явственно сближает фольклор северо-западных (европейских) и северо-восточных (азиатских) народов.

Знаки-предметы

Из других реалий, несущих зафиксированную или предполагаемую по соглашению (в соответствии со свойством консенсусности документа) информацию такого рода, неоднократно называется стяг златотканый на челне как опознавательный знак конунга. Наследник Хальфдана пожаловал Беовульфу «знак победный – ратное знамя, стяг златовышитый – и шлем с кольчугой; многие видели и меч знаменитый». Иными словами, Беовульф был удостоен одновременно всех четырёх высших знаков отличия – случай для того времени беспрецедентный (ст. 1024–1025). Функция каждого знака, помимо чисто утилитарной, была социальной: наградной. В другом эпизоде сообщается, что Беовульф был также пожалован двумя запястьями златовитыми, кольцом ошейным, невиданной красоты (ст. 1194–1205).

Когда самодержец Хродгар построил чертог для трапез, то увенчал его оленьими рогами как видимым символом своей власти. В ещё более древние времена олень был предметом религиозного поклонения.

Изображения

Островерхие шлемы воинов – героев поэмы украшены изображениями позолоченных вепрей-хранителей (ст. 305). Обладатели этого изображения верили, что выкованному дивно «умельцем лет незапамятных» вепрю не страшен ни единый удар в сражении (ст. 1454). Рат-

ные «одежды железотканые» одновременно выполняли и функцию знаков различия. Например, на груди вождя был *изображён позолоченный кабан* (ст. 1110). Использование разного рода изображений как опознавательных символов существенно роднит североазиатских и североευропейских аборигенов, одновременно свидетельствуя, что по признаку применения изобразительной культуры они стоят на одном уровне.

Североευропейскому герою помогает также «меч с рукоятью, старинный Хрунтинг, лучший из славных клинков наследных» (мечи и другое оружие часто имели имена собственные, они воспринимались как одушевлённые предметы). Вытравленные на лезвии *узорные змеи* в руке героя приобретают волшебную силу (ст. 1459–1460).

Руническая письменность

Фраза в стихе 1694 – «... и сияли на золоте руны ясные ...» – прямо свидетельствует о наличии письменности у германских народов в эпоху раннего Средневековья. Первая известная нам германская письменность – руническая. Руны представляют собой сочетания вертикальных и диагональных штрихов. Они вырезались на дереве или камне и первоначально были не только знаками письменности, но и орудиями колдовства. От скандинавских народов сохранилось очень много рунических текстов, от англосаксов — значительно меньше. На рукоятке меча, принесённого Беовульфом со дна моря, были изображения библейских эпизодов и надпись рунами. Иными словами, по наличию этих особенностей представляется правомерным судить о двоеверии скандинавских народов в описываемый исторический период.

Итак, в конечном счёте проведённое сравнение приводит к выводу, что по уровню библиокультуры северо-восточные народы нашей страны в рассматриваемый период были вполне сравнимы со своими североευропейскими современниками, а в ряде отношений значительно превосходили их по номенклатуре знаковых систем и разнообразию их трактовок. В философско-мировоззренческом аспекте северо-восточные народы нашей страны несопоставимо далеко ушли вперёд по сравнению с североευропейскими и западноевропейскими народами. Единственный вопрос, который остаётся открытым,

состоит в установлении наличия у якутов и родственных им народов праписьменности в точном значении этого слова, т. е. сопоставимой, например, с рунической письменностью. Представляется, однако, что и в этом отношении дальнейшие исследования позволят получить положительный ответ на этот вопрос.

* * *

Автора этой статьи можно упрекнуть в недостаточно полном обследовании всего богатства устного народного творчества северных народов, и этот упрёк он охотно принимает. Однако, думается, при такой критике следует принимать во внимание следующие два обстоятельства. Во-первых, исследование этого рода только начато, его можно рассматривать как первоначальный, пробный опыт. Во-вторых, важно понять отношение научной общественности к принятой методологии анализа. Если квалифицированным научным сообществом она будет принята, следующие поколения исследователей пойдут по проторённой дороге и по мере освоения всего фольклорного богатства внесут необходимые коррективы в сделанные первоначальные выводы и найдут иные, пока неизведанные аспекты раскрываемой темы.

В надежде на то, что поднятая тема найдёт достойных продолжателей, и хотелось бы закончить эту статью.

Литература

А.Н. Алексеев. Древние культуры Якутии: (IV тысячелетие до н. э.): дис. ... д-ра ист. наук. – Якутск, 1993. – 449 с.

Алексеев А.Н. Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья / отв. ред. В.Е. Ларичев. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996 а. – 95 с.: ил., табл.

Алексеев А.Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы / отв. ред. В.Е. Ларичев. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996 б. – 142 с.: ил., табл.

Беовульф: [англосаксонский эпос] / пер. с древне-англ. В. Тихомирова. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – 285, [1] с.

Легенды и мифы Севера: сб. / сост., примеч. В.М. Санги; вступ. статья А.В. Пошатаевой; художник В. Петров. – М.: Современник, 1985. – 400 с.: ил. (Б-ка литератур народностей Севера и Дальнего Востока).

Столяров Ю.Н. Истоки книжной культуры / под ред. В.Я. Рушанина; отв. за вып. Т.Ф. Берестова; Челябинский гос. инст. культуры. – Челябинск: ЧГИК, 2017. – 500 с.

Столяров Ю.Н. Тема письменности в якутских народных сказках // Вестник Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия). – 2018 а. – № 2 (17). – С. 64–72.

Столяров Ю.Н. Книга о происхождении якутов и их традиционной культуры // Обсерватория культуры. – 2018 б. – Т. 15. – № 3. – С. 358–363.

Столяров Ю.Н. Олонхо: роль знаков и письменности в установлении мирового порядка // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2019. – № 1 (26). – С. 125–134.

Y.N. Stolyarov

Proto-Writing of the North of Eurasia Peoples (According to Paleo-folklore)

The article, which continues the author's cycle of publications on the origins of world book culture, studies the legends and myths of the Asian Northern and Scandinavian peoples, in order to identify the earliest ways of obtaining, recording and transforming information that was of significant vital and/or social significance for them. For a comparative analysis of the sign system of these peoples, the collection "Legends and Myths of the North" [1985] is taken, containing Sami, Nenets, Enets, Khanty, Mansi, Nganasan, Selkup, Tofalar, Ket, Dolgan, Evenki, Even, Nanai, Ulch, Uegey, Negidalsky, Oroch, Orok, Nivkh, Itelmen, Koryak, Aleutian, Yukagir, Chukotka, Kerek and Eskimo folklore – a total 26 North Asian and Far Eastern peoples and nationalities, 96 works. To compare the North Asian folklore with the North European one, the analysis of the medieval Scandinavian poem "Beowulf" is carried out. In both cases, the author came to the attention of such types of signs as traces, objects of specific purpose, images, as well as the actual record – mostly runic. Based on the comparative method, it is concluded that prohibitionist North Asian peoples of the Russian Federation and in wealth not inferior to prohibitionist peoples of Northern Europe, and in some respects superior to the folklore of the Scandinavian peoples.

Keywords: book culture, folklore of the peoples of Northern Europe, folklore of the peoples of Northern Asia, sign systems, traces, count, objects, images, runic writing